

5. Франко І. Поезія і її становисько в наших временах / І. Франко // Франко І. Зібрання творів : [у 50 т.] – К.: Наукова думка, 1980. – Т. 26. – С. 393 – 399.
6. Ярема Я. Дослідження творчості І.Франка / Я. Ярема. – К. : Вид-во АНУРСР, 1956. – 135 с.
7. Франко І. Перша передмова до перекладу «Фауста» Й. Гете / І. Франко // Франко І. Зібрання творів : [у 50 т.] – К.: Наукова думка, 1980. – Т. 26. – С. 155 – 160.

УДК 821.161.1- 2.09 ”19”

*Гулич Е.А.
(Харьков, Україна)*

ВЗГЛЯДЫ Л.Я. ГУРЕВИЧ НА ЗАДАЧИ И ТРАДИЦИИ В.Г. БЕЛИНСКОГО

У статті зроблена спроба визначити точки дотику концепції Л.Я.Гуревич та В.Г. Белінського. Вони простежуються у прагненні вийти до розуміння сутності мистецтва, його естетичної цінності, ролі літератури в суспільстві, призначенні письменника і критика. Проте відмова від розуміння літератури як виховуючої, наставляючої сили визначила погляд Л.Я. Гуревич на твори сучасних їй авторів, що належать до «нових течій».

Ключові слова: літературна критика, реалізм, національна ментальність, сутність мистецтва, естетична цінність.

В статтє предпринята попытка определить точки соприкосновения концепций Л.Я. Гуревич и В.Г. Белинского. Они прослеживаются в стремлении выйти к пониманию сущности искусства, его эстетической ценности, роли литературы в обществе, назначении писателя и критика. Однако отказ от понимания литературы как воспитывающей, наставляющей силы определил взгляд Л.Я. Гуревич на произведения современных ей авторов, принадлежащих к «новым течениям».

Ключевые слова: литературная критика, реализм, национальная ментальность, сущность искусства, эстетическая ценность.

The article attempts to identify the common ground of the concepts of L.Gurevich and V. Belinsky. They can be traced in an effort to get to the understanding of the essence of art and its aesthetic value, the role of literature in a society, the writer's and the critic's appointment. However, the failure of understanding of the literature as educating, guiding force determined L.Gurevich views on the works of the authors, who belonged to the "new trends".

Key words: literary criticism, realism, national mentality, essence of art, aesthetic value.

В бурних дискуссиях рубежа XIX – XX в.в., в многочисленных высказываниях того времени, относящихся к состоянию критики, фигура В.Г.Белинского занимала центральное место. Причиной тому стали новая интерпретация русской литературы XIX в. и так

называемый пересмотр “наследства”, который побудил критиков нового поколения обратиться к творчеству великого критика и соотнести собственные критерии с его концепцией. Отношение критиков переходного периода к наследию В.Г. Белинского не было однозначным, но все они признавали его огромную роль в становлении и развитии русской критики.

В юбилейной статье «Критик-идеалист», посвященной В.Г. Белинскому, Е.А. Колтоновская писала: «Критиков у нас много, в роли критиков выступают чуть ли не все владеющие пером. И поэтому критики нет... Нет критики, пользующейся влиянием и авторитетом. В наше переходное время трудно и представить ту высоту, ту степень влияния, каким он пользовался и среди читателей, и среди авторов художественных произведений» [1:109]. Эта же мысль прослеживается в статье З.Н. Гиппиус «Разочарования и предчувствия» (1910 г.): «Я не поклонник старых времен; не вздыхаю о кончине Белинского, Писарева и Добролюбова и не желала бы их воскресения. Однако, думаю, что “кто-то”, на них похожий, но способный на равное с ними влияние, должен сидеть на пустом литературном стуле»[2(7:269)]. Д.С. Мережковский, выступивший с лекцией «Завет Белинского...» (1914) полагал, что первый русский критик был и первым русским интеллигентом, включая его фигуру и наследие в общественно-политические споры своего времени.

Для Л.Я. Гуревич, как и для всех представителей ее поколения, авторитет В.Г. Белинского был огромен. Хотя критик не посвятила великому критику ни одной статьи, в ее работах четко прослеживается преемственность его взглядов.

Вопрос о сущности и значении художественной литературы В.Г.Белинский считал одним из важнейших, развивал понимание ее высокой гражданской роли, видел в ней «социально обусловленное отображение действительности во всем разнообразии ее проявлений, форму общественного самосознания, действительное средство идейно-нравственного и эстетического воспитания людей и преобразования общественных отношений»[3(3:540)]. Он осознавал искусство своеобразным зеркалом жизни. Пережив периоды разных увлечений, он высказал свое понимание сущности искусства в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «Искусство есть воспроизведение действительности, повторенный, как бы вновь созданный мир» [3(3: 542)].

Воспитанная на статьях В.Г. Белинского, Л.Я. Гуревич выступала за сближение искусства с действительностью, но не принимала тех форм выражения действительности, к которым пришли современные ей новаторы-драматурги и писатели. Она критиковала молодых авторов, которые терялись в смутных и хаотических тенденциях декадентства, но в то же время выступала противником грубого реализма, эмпиризма, как она его называла, копирующего действительность. В статье «Приближение кризиса» Л.Я. Гуревич остерегала молодых литераторов: «Изучение действительности – это хлеб насущный для литературы, без него она не жива. Лозунг «к реализму! к быту», – может обратиться во зло, а не во благо подрастающему литературному поколению. Ибо, при естественной реакции против злоупотребления элементом “всеобщего” в литературе, она и так уже легко может перекачнуться к чрезмерному увлечению всякой конкретностью, той жизненной эмпирикой, изображением которой само по себе не составляет искусства и ничего не говорит современной душе...» [4:109]. Таким образом, критик пыталась найти баланс между реализмом и эмпиризмом.

Стремление Л.Я. Гуревич сохранить и использовать наследие русского реализма в современной литературе и театре воспринималось современными критиками как отрыв от «действительности». Так, например, рецензент Энь в отклике на ее книгу «Литература и эстетика» упрекал автора: «Страшная бездна разверзлась перед глазами: та бездна, что разорвала нашу жизнь на две части: у одной – полнота эстетического сознания, у другой – страшная действительность» [5:2]. Автор статьи видел в этом сборнике злую насмешку и требовал от критика не обобщающих историко-литературных исследований, а отражения потребностей времени. Но свою задачу Л.Я. Гуревич видела все же иначе.

Суть ее разногласий с большинством современников изначально крылась не только в способе отображения действительности, но и в осмыслении самой роли писателя в обществе, а также функции литературы в целом. В.Г. Белинский отмечал, что в художественном произведении обязательно отражается личность поэта – «сына своего времени», его взгляды, чувства и мысли. Так мыслила и Л.Я.Гуревич: вопросы о назначении художника, ответственности писателя перед обществом и общественной «пользе» искусства она ставила в каждой статье. По ее убеждению, русская литература, в отличие от западно-европейской, стала формой выражения всех сфер общественного сознания, а писатель оказался важнейшей фигурой, формирующей это сознание и национальную ментальность.

О литературоцентричности русской культуры писали многие ученые, среди них и наши современники Б.Ф. Егоров, М.М. Голубков, которые считают этот феномен отличительной чертой русской культуры: «В России словесность, а не религия, философия или наука, приняла на себя функции формирования национального типа сознания, манеру мыслить и чувствовать. Причиной этому был вечный запрет свободомыслия в России, отягощенный суровой цензурой» [6:8]. Это высказывание справедливо, но не ново, поскольку еще в середине XIX века об этом писал А.И. Герцен: «...народ, лишенный трибуны свободного слова, использует литературу в качестве такой трибуны» [7(7:234)]. Для Л.Я. Гуревич ее критические статьи и были той самой трибуной, с которой она пыталась воздействовать на читательский вкус, сформировать эстетические каноны для современного искусства. Она придерживалась той модели отношений между художественным творчеством и публикой, в которой фигура критика является ключевой, определяющей восприятие читателем художественного явления. По мнению многих литературоведов, такую модель сформировал в русской критике именно В.Г. Белинский.

Близка Л.Я. Гуревич была и концепция В.Г. Белинского относительно оценки произведения, которая должна строиться уже на истолковании его как художественного целого, в единстве его идей и образов, а творчество писателя должно рассматриваться в контексте истории литературы и общества. Именно в таком ключе были написаны, например, статьи Л.Я.Гуревич о Л. Андрееве, В. Брюсове, М. Кузmine и др. Автор рассматривала деятельность этих писателей в контексте развития литературного процесса порубежной эпохи, их произведения («Анатэма», «Черные маски», «Огненный ангел», рассказы М.Кузмина и др.) были названы ею «типичными» для современности и проанализированы не только в контексте эпохи, но и в единстве их идей и образов.

Поскольку в статьях Л.Я. Гуревич приоритетным являлся вопрос об эстетическом воспитании аудитории, то вполне логичным было бы искать точки пересечения воззрений двух критиков и в этом направлении. Такой точкой является первый период творчества В.Г. Белинского, когда одной из центральных задач критики он считал пропаганду эстетических идей. Как и он, Л.Я. Гуревич была убеждена, что критик должен приучать читателя предьявлять произведению эстетические критерии. По ее мнению, литература должна воспитывать, но, прежде всего, эстетически, а гармонии в обществе можно достичь лишь путем внутреннего саморазвития. В эпиграфе к одной из своих статей она писала: «Все чего-то ищут, ищут уже не вне, а внутри себя» [4:1]. Вот почему одной из задач писателя Л.Я. Гуревич считала подсказать читателю путь к его внутренней гармонии. Об этом писал и В.В. Розанов в статье «О Достоевском» (1894): «Помоги мне разобраться в моей жизни, освети, научи» – вот самая серьезная мысль, с какою может читатель обратиться к писателю; думаем даже, что это есть единственная серьезная мысль, на которой может истинно скрепиться их общение»[7:1].

Задачу литературного критика Л.Я. Гуревич видела в разъяснении читателям тех или иных специфических литературных явлений. Можно ли считать ошибкой то, что она пыталась не только отыскать в них эстетическую ценность, но и соотнести их с образцами ушедшей эпохи? Вероятно, именно это и послужило поводом для неприятия Л.Я. Гуревич произведений молодых авторов, принадлежащих к «новым течениям». Но смена эпох повлекла за собой перемены и в художественных способах осмысления действительности, и в представлениях о ее роли и назначении в жизни общества. Большинство представителей нового поколения писателей и поэтов не только отказывались быть реалистами, но и воспринимать литературу как учебник жизни, а самим играть роль учителей. Л.Я. Гуревич, воспитанная в «идейных» традициях русской классической литературы, такое положение вещей воспринимала как «драму культурного вакуума». Вероятно, поэтому она искала опору и подтверждение своей концепции в произведениях классиков. Как и В.Г. Белинский, Л.Я. Гуревич стремилась выйти к пониманию сущности искусства, его эстетической ценности, роли литературы в обществе, назначении писателя и критика, и именно отсутствие учительского воздействия, отказ от понимания литературы как воспитывающей, наставляющей силы определили ее взгляд на произведения современных ей писателей. Основными элементами фундамента, на котором развивались критические воззрения Л.Я. Гуревич, были реалистичность, содержательность, нравственная и эстетическая направленность. Они обусловили как сильные, так и слабые стороны ее историко-литературной концепции, неадекватность современной ей социокультурной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колтоновская Е.А. Критические этюды / Е.А. Колтоновская. – СПб, 1912. – 185 с.
2. Гиппиус З. Н. Собрание сочинений / З.Н. Гиппиус. Т.7. Дневники: 1893–1919. – М.: Русская книга, 2003. – 576 с.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. / Под общей редакцией Ф.М. Головенченко. – М., ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. – 932с.
4. Гуревич Л.Я. Литература и эстетика / Любовь Яковлевна Гуревич. – М.: Русская мысль, 1912. – 321 с.

5. Рецензии и отклики на книгу Л.Я.Гуревич «Литература и эстетика» // РГАЛИ. – Ф.131 (Л.Я. Гуревич). – Оп.1. – Ед. хр. 337.
6. Голубков М.М. Рубеж веков глазами современника. Опыт историко-литературного описания / М.М. Голубков. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 7. – Литературоведение. Реферативный журнал. – 2012. – № 3. – С. 7-17.
7. Герцен А.И. . Собрание сочинений в тридцати томах / А.И. Герцен. Т.7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851 – 1852 гг. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1956. – 539с.
8. Розанов В.В. О Достоевском / Библиотека «Вехи». – 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/rozanov/dost.htm>

УДК 82.09

Любецкая В.В.
(Кривой Рог, Украина)

О СИМВОЛИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ИКОНЫ В ПОВЕСТИ «КРОТКАЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Стаття присвячена розгляду іконічності, яка стає основним моментом у створенні і розумінні руської православної концепції світу. Доводиться, що ікона в художньому творі виступає не тільки як предмет побуту, а має символічне значення у повісті «Покірлива» Ф.М. Достоевського, де образний сенс трансформується у прихований, першообразний сенс, наявний у творі письменника.

Ключові слова: ікона, іконічність, символ, художній образ, художній світ.

Статья посвящена рассмотрению иконичности, которая становится основным моментом в создании и понимании русской православной концепции мира. Доказывается, что икона в художественном произведении выступает не просто как предмет быта, а имеет символическое значение в повести «Кроткая» Ф.М. Достоевского, где образный смысл трансформируется в сокрытый, первообразный смысл, наличествующий в произведении писателя.

Ключевые слова: икона, иконичность, символ, художественный образ, художественный мир.

The article is devoted to consideration of iconicity, which becomes the main point in creating and understanding the Russian Orthodox conception of the world. It is proved that the icon in the artwork serves not just like an object of daily life, but it has a symbolic meaning in the narrative «A Gentle Spirit» by F.M. Dostoevskiy, where figurative point is transformed into a hidden, original sense, which is presented in the work of the writer.

Key words: icon, iconicity, symbol, artistic image, art world.